

монстрация со стороны округов, устроенная помимо всякого официального представительства с целью поддержать предложение, внесенное в Национальное собрание Робеспьером против ценза¹.

Еще замечательнее то, что провинциальные города начинали входить по всевозможным делам в прямые сношения с Парижской коммуной. Таким образом проявлялось стремление установить между городами и деревнями Франции *прямую связь* помимо общенационального парламента - стремление, так ясно выступившее впоследствии. Легко представить себе, какую силу придавал революции этот независимый способ действия городских и сельских общин.

Изучая историю этого движения, невольно спрашиваешь себя: «Откуда взялись у населения Парижа и многих других городов и городков, особенно в восточной Франции, такие организационные способности?» Они, очевидно, сохранились со времен средневековых независимых или полунезависимых городов-республик, с их концами (секторами), улицами и гильдиями, пользовавшимися тогда широким самоуправлением; причем этот дух и предания о нем сохранялись до некоторой степени, несмотря на все усилия королевской власти вытравить этот дух².

Особенно проявились влияние округов и их организаторские способности в таком существенном вопросе, как продажа имуществ духовенства. Закон предписал конфискацию этих имуществ государством и продажу их в пользу нации; но он не указал никакого практического пути к осуществлению конфискации и продажи имуществ. Тогда парижские округа предложили свои услуги в качестве посредников по продаже этих имуществ и пригласили все другие городские управления Франции последовать их примеру. Этим и создалась возможность практического приложения закона.

Издатель актов коммуны Лакруа рассказывает, как взялись за дело округа, чтобы Национальное собрание поручило им выполнить эту важную задачу. «Кто говорил и *действовал* от имени великого целого. Парижской коммуны? - спрашивает он. - Во-первых, бюро города, подавшие самую мысль; затем - округа, которые одобрили ее и, одобрив ее, приняли на себя роль городского совета в деле ее осуществления: *вступили непосредственно в переговоры с государством*, т. е. с Национальным собранием, и, наконец, *непосредственно осуществили предполагавшуюся покупку имуществ*, все это вопреки формальному декрету, но с согласия верховного (Национального) собрания».

Интереснее всего то, что, раз взявшись за это дело, округа отстранили от него как слишком устаревшее для серьезного дела собрание представителей Парижской коммуны. Они отстранили также два раза городской совет, пожелавший вмешиваться в эти продажи. Округа, говорит Лакруа, «предпочли составить ввиду этой специальной цели особое собрание из 60 делегатов, по одному от каждого округа, и маленький исполнительный совет из 12 членов, избранных из числа этих 60»³.

Поступая таким образом, и так же поступили бы теперь анархисты, парижские округа положили начало новой общественной организации, снизу-вверх, основанной на началах свободы⁴.

В 1790 г., в то время, когда политическая реакция все более и более усиливалась (см. ниже), парижские округа, наоборот, приобретали на ход дел все большее и большее революционное влияние. Пока Собрание подкапывалось понемногу под королевскую власть, округа, а затем секции Парижа расширяли мало-помалу круг своей деятельности в народе. И вместе с тем они закрепляли союз между Парижем и провинцией и подготавливали почву для революционной Коммуны десятого августа.

«Муниципальная история, - говорит Лакруа, - происходит вне официальных Собраний. Самые

---

¹ Ibid, v. 3, p. XII, XIII.

² О средневековых городах-республиках читатель найдет интересные данные в моей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции». В России эти следы, к сожалению, исчезли, так как уничтожение независимых городов-народоправств началось уже в XIII в., с монгольского нашествия. Они продержались до XV в. только в Новгороде. Пскове, их пригородах и их северо-восточных колониях (Вятка и др.).

³ Actes de la commune de Paris, v. 4, p. XIX.

⁴ Лакруа подробно рассказывает об этом деле в введении к четвертому тому актов Коммуны. Я не могу удержаться, однако, чтобы не привести здесь следующие слова *адреса, поданного Национальному собранию депутатами 60 секций Парижа относительно приобретения от лица коммуны национальных имуществ*. Члены городского совета хотели взять на себя роль секций в этой покупке; но секции запротестовали и высказали следующую, вполне верную мысль относительно народного представительства: «Возможно ли, чтобы приобретение, сделанное самой коммуной посредством комиссаров, специально назначенных для этой цели, было менее законно, чем если бы оно было сделано общими представителями Франции... Разве тот принцип, что функции уполномоченного кончаются в присутствии уполномочившего его, больше не признается?». Прекрасные и верные слова, к несчастью, забытые теперь ради разных ходячих измышлений — фикций — о роли правительства.